

Рациональные приемы обучения и воспитания краткосрочного солдата, а также ближайшего его начальника.

«Въ прежнее время военное дѣло было больше дѣломъ массы; нынѣ оно выдвигаетъ впередъ значеніе личной инициативы каждаго воина, до простого рядового включительно, который въ бою теперь во многомъ предоставленъ самому себѣ. Этому условію можетъ удовлетворить лишь извѣстное умственное развитіе нижнихъ чиновъ, при которомъ въ нихъ выработана способность соображать, оцѣнивать обстановку и найтись въ выборѣ средствъ».

(Ф. Гершельманъ, „Русск. Инв.“ 1909 г. № 235).

Ва время моей болѣе чѣмъ 30-лѣтней службы, сроки пребыванія нижнихъ чиновъ подъ знаменами сокращались втрое. Первые два сокращенія усложнили, конечно, на первыхъ порахъ дѣло воспитанія и обученія солдата, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ этого ожидали. Всѣ эти перемѣны породили въ свое время всевозможные толки; предсказывались въ числѣ прочаго полный упадокъ дисциплины, невозможность достиженія прежнихъ по обученію результатовъ и даже малѣйшаго на это намека. Мы, однако, несмотря на сильно увеличившіяся какъ разъ въ это время требованія, «выпутались» изъ этого осложненія два раза весьма сноровисто и быстро, хотя намъ не дали, какъ это имѣло мѣсто въ заграничныхъ арміяхъ при переходѣ къ короткимъ срокамъ службы, надежныхъ помощниковъ въ лицѣ достаточнаго числа сверхсрочнослужащихъ.

Послѣднее, однако, сокращеніе серьезнѣе, ибо достигло, такъ сказать, предѣла возможнаго. Оно обусловило страшное напряженіе силъ, а также нервной системы кадровъ и всего вообще учительскаго персонала, а сами кадры нижнихъ чиновъ, вслѣдствіе новаго сокращенія сроковъ, оказались недостаточно подготовленными къ этой перемѣнѣ. Кромѣ того, новое, какъ вѣрно замѣчаетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1909 г. № 235 г. Ф. Гершельманъ, совпадаетъ съ подъемомъ требованій въ смыслѣ индивидуальной подготовки солдата и необходимостью развитія личной инициативы каждаго бойца, до рядового включительно, который долженъ быть способенъ соображать, оцѣнивать мѣстность и обстановку: все это дается не легко.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы со временемъ примѣнимся и тутъ къ новымъ условіямъ, ибо наше офицерство любитъ и умѣетъ работать, а нашъ людской матеріалъ, несмотря на его неразвитость и малограмотность, не имѣетъ себѣ подобнаго—это признается всѣмъ міромъ. Но работа, въ кавалеріи по крайней мѣрѣ, предстоитъ огромная, и надо время и терпѣніе, нужны, кромѣ того, во чтобы то ни стало, въ большомъ числѣ сверхсрочные! Заграницею ихъ во всѣхъ родахъ войскъ гораздо больше, чѣмъ у насъ, а въ Германіи не только всѣ унтеръ-офицеры служатъ десятки лѣтъ, но въ кавалеріи, напримѣръ, и ефрейторы и кандидаты на это званіе, и кузнецы—сверхсрочные; такимъ образомъ отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всякой кавалерійской части состоитъ изъ сверхсрочныхъ. Общая ихъ цифра въ германской арміи достигла въ 1910 году 120,000 человекъ, и цифра эта возрастаетъ ежегодно. Эскадронъ, въ рядахъ котораго, какъ у насъ нынѣ, кромѣ вахмистра и нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, всѣ люди служатъ меньше 4-хъ лѣтъ, не можетъ быть такъ обученъ, какъ это имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ около $\frac{1}{4}$ всего состава представляетъ изъ себя опытныхъ старыхъ служакъ, которыхъ можно сажать на трудныхъ или молодыхъ лошадей, поручать имъ серьезныя развѣдки, обученіе людей и вообще болѣе сложное и отвѣтственное дѣло. Съ этимъ преимуществомъ западной кавалеріи передъ нашей надо считаться. Да и рота, и батарея, имѣющія въ своемъ составѣ 20—25 сверхсрочныхъ, могутъ быть лучше и скорѣе обучены, чѣмъ тѣ, гдѣ всѣ люди служатъ три года. Пусть нашъ солдатъ, какъ болѣе близкій къ природѣ, способнѣе къ военной, а въ особенности къ кавалерійской службѣ; пусть онъ нетребовательнѣе, выносливѣе и, какъ деревенскій житель, скорѣе осваивается съ конемъ и коннымъ дѣломъ, чѣмъ болѣе культурный уроженецъ Запада: все это огром-

ный плюсъ на нашей сторонѣ, но четвертая или даже пятая часть старыхъ, опытныхъ служакаъ—это важный факторъ, говорящій за увеличеніе нашего штата сверхсрочныхъ, которыхъ у насъ почему то многіе не любятъ. Военная печать давно ратуетъ за нихъ, и я самъ проповѣдую 25 лѣтъ на ея страницахъ пользу и необходимость сверхсрочныхъ, въ особенности для кавалеріи, но почти безуспѣшно. Есть еще масса противниковъ этой категоріи служащихъ, а покойный Драгомировъ не выносилъ ихъ. Однако, нынѣ, при почти что милиціонныхъ срокахъ службы, сверхсрочные болѣе необходимы, чѣмъ когда-либо, а для конницы и артилеріи въ нихъ, по моему, единственное спасеніе.

Упомяну, кромѣ того, что эскадронъ, въ составъ котораго входитъ, какъ у насъ теперь, около 60-ти молодыхъ солдатъ, не можетъ быть сравниваемъ съ такимъ, въ которомъ ихъ было, какъ недавно, 35, а то 30 или даже 25: это пойметъ всякій строевикъ, знающій кромѣ того и то, что требованія не уменьшаются, а, наоборотъ, увеличиваются съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ. Въ пѣхотѣ дѣло наладится скорѣе, ибо тамъ нѣтъ коня, нѣтъ выѣздки его, нѣтъ и развѣдки, по крайней мѣрѣ дальней, которая болѣе трудная; для кадровъ же кавалеріи и артилеріи настали тяжелыя времена.

Незавидна въ особенности доля нынѣшняго эскадроннаго и батарейнаго командира. Помощниковъ въ офицерскомъ званіи у него мало. Многіе изъ нихъ новички въ полевомъ, а отчасти и въ строевомъ дѣлѣ, ибо въ училищахъ проходятъ съ ними почти что одну лишь теорію. Они, до выхода въ полкъ, не имѣли дѣла съ солдатомъ, не въ состояніи обучать ѣздѣ, а выѣздки лошади не знаютъ совсѣмъ. Вообще у нихъ, до производства въ офицеры, не было никакой практики; педагогика для нихъ «terra incognita». О нынѣшнихъ же нашихъ унтеръ-офицерахъ и говорить не приходится. Они молодые, совершенно неопытные и мало отличаются отъ рядовыхъ. Они, правда, грамотны, но, вообще, мало развиты, недурные исполнители, но плохіе учителя и начальники. Словесности, занятій по умственному развитію не слѣдовало бы имъ поручать вовсе, а ѣздоки они весьма слабые; тѣмъ не менѣе приходится сажать ихъ на выѣзжаемыхъ лошадей, и нельзя избѣгнуть того, что сплошь и рядомъ приходится поручать имъ также словесность. Вездѣ и всюду необходимъ поэтому личный трудъ командира эскадрона, личное его вмѣшательство во всѣ подробности службы; однимъ руководствомъ дѣла и наблюденіемъ за нимъ

нельзя ему нынѣ обойтись; приходится, разрываться на части и всюду очевидно ему во-время не поспѣть.

Хочу этою замѣткою внести посильную лепту на пользу родного, близкаго мнѣ дѣла и подѣлиться моимъ строевымъ опытомъ; хочу придти ротному, эскадронному и батареинному командиру на помощь, поговорить о способахъ обученія и воспитанія солдата современныхъ сроковъ службы, а также унтеръ-офицера. Все, о чемъ говорится, касается, правда, преимущественно кавалериста, но $\frac{9}{10}$ разбираемаго одинаково пригодны для всѣхъ родовъ войскъ. Постараюсь доказать, что мы очень часто сами усложняемъ себѣ безъ всякой надобности дѣло, не только настаивая съ непонятною щепетильностью на маловажномъ въ ущербъ существенному, но вводя въ обученіе много чисто формальнаго, массу лишняго и увеличивая такимъ образомъ совершенно произвольно и безъ того весьма обильную программу. Затрону и нѣкоторые принципиальные вопросы, которыхъ коснулся въ общихъ чертахъ въ одной изъ моихъ статей, имѣвшей въ виду спеціально полевую подготовку кавалериста. Здѣсь же оставляю обсуждаемое тамъ весьма подробно полевое дѣло, совсѣмъ въ сторонѣ и имѣю въ виду лишь соответствующую рациональную къ нему подготовку и общее развитіе, затѣмъ обученіе вообще, а еще больше воспитаніе нижняго чина главнымъ образомъ въ казарменной обстановкѣ, причѣмъ правилъ ѣзды не обсуждаю совсѣмъ. Касаюсь зато важнаго вопроса о стрѣльбѣ, разбирая его съ нѣскольکو иной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлается обыкновенно въ нашей печати.

Раньше, чѣмъ распространяться о методахъ обученія и воспитанія, хочу подвергнуть нѣкоторой критикѣ нашу, такъ называемую, словесность и заключающуюся въ ней массу нелогичнаго, лишняго, произвольно выдуманнаго и усложняющаго дѣло, что, при недостаткѣ времени и неимѣніи опытныхъ учителей, сильно отзывается на достигаемыхъ въ подготовкѣ современнаго бойца результатахъ.

Наша словесность или «свѣдѣнія, обязательныя для рядового» изложены были первоначально въ прик. по воен. вѣд. 1880 г. № 335, а затѣмъ вошли и въ «*Положеніе объ обученіи нижнихъ чиновъ*». Словесныя занятія и слѣдовало бы вести, строго придерживаясь этой программы. Между тѣмъ я часто видѣлъ, какъ въ расписаніяхъ занятій съ рядовыми общаго состава значилось: съ такого-то часа по такой-то — уставъ гарнизонный, уставъ внутренней службы или дисциплинарный. Значить, рядовому,

очевидно, читались всѣ эти уставы цѣликомъ, въ оригиналѣ, что совершенно лишне и монотонно, наводитъ на людей скуку, въ особенности, если, какъ иногда бываетъ, читаетъ чуть ли не по складамъ или, какъ бы «полузаикаясь», унтеръ-офицеръ. А такъ какъ офицеровъ въ иномъ полку мало, то унтеръ-офицерамъ приходится иногда поручать это дѣло, и съ этимъ надо мириться. Во многихъ приказахъ требуется, правда, офицерская и только офицерская работа, но, къ несчастью, дѣло ограничивается нерѣдко высказаннымъ въ приказѣ требованіемъ. Есть ли достаточное количество офицеровъ, не отрываются ли они отъ занятій съ людьми нарядами, командировками и т. д., — въ это не всегда входятъ. Приказъ отданъ, и мы увѣрены, что онъ исполняется и исполнимъ. Если бы вообще, хотя бы сотая доля того, о чемъ говорится въ различныхъ руководящихъ приказахъ, исполнялась и была исполнимою, да если бы, кромѣ всѣхъ даваемыхъ указаній для занятій, предписывалось и повѣрять ихъ не по старому, а современнымъ способомъ, то дѣло обстояло бы болѣе, чѣмъ благополучно.

Но вернемся къ унтеръ-офицерской словесности. Полагаю, что лучше допустить безпрепятственно на ряду съ офицерскою, и унтеръ-офицерскую работу; лучше не ставить прибѣганія къ помощи послѣдней въ упрекъ. Слѣдуетъ, наоборотъ, поощрять выработку изъ «унтеровъ» толковыхъ «словесниковъ»; воспитать въ эскадронѣ или ротѣ 2-хъ, 3-хъ подобныхъ учителей можно, конечно, при желаніи, умѣни и упорномъ трудѣ. Заграницею унтеръ-офицеры обучаютъ смѣны и представляютъ ихъ на смотрахъ, хотя бы и самаго высшаго начальника. Не допуская этихъ нижнихъ чиновъ къ преподавательской работѣ, видя въ ней что-то вродѣ «безпорядка въ части», мы дѣлаемъ большую ошибку, и при этой системѣ можно сказать, что у насъ никогда не будетъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Необходимо давать имъ преподавательскую практику, но надо, конечно, руководить дѣломъ. Не вездѣ, очевидно, идетъ во время занятій словесностью монотонное чтеніе, о которомъ говорилось выше; наоборотъ, такъ какъ многіе параграфы уставовъ, въ сущности большинство ихъ, касаются исключительно офицеровъ и ихъ замѣстителей, то сами учителя, если они хотя мало-мальски подготовлены къ этой преподавательской дѣятельности, сдѣлаютъ въ большинствѣ случаевъ выборку изъ упомянутыхъ уставовъ. Сумѣетъ ли, однако, каждый изъ нихъ, хотя бы это былъ и молодой офицеръ, сдѣлать надлежащую выборку необходимаго длярядо-

вого? Будетъ ли эта выборка одинаковою, однообразною у всѣхъ учителей, во всѣхъ ротахъ или эскадронахъ? Очевидно, нѣтъ. Не проще ли тогда излагать, повторять и спрашивать всѣ свѣдѣнія по вышеупомянутой официальной программѣ, «не прибѣгая къ дѣленію уроковъ по уставамъ», и писать въ расписаніяхъ просто: *устныя занятія*, ибо всѣ уставы вошли въ эту программу, все, изложенное въ ней, позаимствовано изъ уставовъ; но оно взято оттуда свѣдущими и компетентными людьми въ той именно пропорціи, если можно такъ выразиться, которая требуется, отнюдь не въ большей; пропорція же эта кромѣ того санкціонирована свыше. Съ этимъ зломъ приходилось, однако, воевать въ эскадронахъ различныхъ полковъ, гдѣ монотонное чтеніе уставовъ въ оригиналѣ или выборкѣ, дѣлаемыхъ неудачно самими учителями (иногда и унтеръ-офицерами), вывести удавалось лишь съ трудомъ. Прибавлю еще, что слѣдуетъ воспретить вообще «чтеніе уставовъ нижнимъ чинамъ»; учитель долженъ не читать, а излагать все своими словами и смотрѣть на тѣхъ, къ которымъ онъ обращается. Книга (уставъ) можетъ лежать лишь поблизости, такъ сказать, *про запасъ*, для справокъ. Только тогда онъ можетъ быть понятъ своими учениками. Обо всемъ этомъ твердилъ уже покойный Драгомировъ.

Методы, способы, сноровки, однимъ словомъ система обученія, довольно разнообразны не только въ нашей конницѣ, но и въ другихъ родахъ войскъ, а книжный языкъ удается искоренить съ большимъ трудомъ. Есть, конечно, роты и эскадроны, полки и батареи, гдѣ дѣло поставлено очень хорошо, гдѣ люди разбиваются для обученія на маленькія группы и даютъ не только гладкіе отвѣты на задаваемые имъ трафаретные вопросы, но понимаютъ отлично то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, и рассказываютъ суть дѣла осмысленно своими словами, какъ бы ни спросить, какъ бы ни «подѣхать къ предмету»—такъ готовятъ у насъ большинство солдатъ уже $\frac{1}{4}$ столѣтія по меньшей мѣрѣ, но есть части, гдѣ это поставлено слабѣе и гдѣ занятія по словесности ведутся по сей день огульно съ 50-ю или 60-ю людьми «заразь», т. е., гдѣ преобладаетъ «гуртовая система». Въ общемъ, дѣло, послѣ недавняго сокращенія сроковъ службы, хромаетъ во многихъ частяхъ болѣе или менѣе сильно; съ этимъ зломъ боролись, впрочемъ, на страницахъ военной печати при болѣе длинномъ пребываніи солдата подъ знаменами и Бутовскій, и покойный Драгомировъ, и многіе другіе. Мои личныя наблюденія не ограничиваются видѣннымъ

въ полкахъ, гдѣ служилъ или которыми командовалъ, напротивъ; молодымъ офицеромъ еще, а потомъ въ званіи командира эскадрона, да и штабъ-офицеромъ, я навѣщалъ часто товарищей и сверстниковъ въ другихъ полкахъ и всегда, при такихъ визитахъ, просилъ провести меня по казармамъ, позволить побывать на занятіяхъ «словесностью», которая меня уже въ корнетскомъ чинѣ сильно интересовала и продолжаетъ интересоваться больше 30-ти лѣтъ подъ рядъ. Къ величайшему моему огорченію принужденъ удостоверить, что, хотя и видѣлъ массу дѣльной работы, много прекрасныхъ, преданныхъ своему дѣлу учителей, горячо любящихъ военное дѣло и солдата, не готовящихъ его въ «манекены» и «автоматы», а вникающихъ въ его психику, но приходилось замѣчать и массу произвола, а также полную иногда безсистемность, безыдейность работы. Нерѣдко я бывалъ свидѣтелемъ валовой, гуртовой работы и видѣлъ воочию, какъ малоразвитые дядьки толковали молодому солдату Богъ вѣсть что, и заставляли его зазубривать наизусть то, чего не надо, что онъ не въ состояніи былъ понять; да врядъ ли $\frac{3}{4}$ этихъ невѣждъ-преподавателей сами понимали то, что они твердили, чему учили! Молодой офицеръ стоялъ иногда тутъ же рядомъ и не направлялъ дѣятельности учителей. Въ этомъ отношеніи я выносилъ нерѣдко впечатлѣніе, что молодой офицеръ не понимаетъ своихъ подчиненныхъ, а они не понимаютъ его. Тутъ виновато училище, гдѣ говорятъ иногда, какъ бы, на другомъ языкѣ и въ разрѣзъ съ уставомъ, напримѣръ: «уволень въ отпускъ», а не «со двора». Такихъ фразъ, дѣлающихъ молодого офицера «чужимъ» для солдатъ, лишаящихъ его возможности выступить сразу смѣло и компетентнымъ лицомъ, наберется больше. Въ училищахъ заботятся о теоріи и не готовятъ помощниковъ ротнаго или эскадроннаго командира по практическимъ занятіямъ. а это было бы весьма желательнымъ.

Болѣе развитые молодые солдаты разбираются современемъ въ лабиринтъ преподаваемыхъ имъ свѣдѣній, постигаютъ эту «солдатскую науку» до нѣкоторой степени даже тогда, когда педагогика оставляетъ желать многого; парень же изъ болѣе слабыхъ по умственному развитію приучается говорить, какъ попугай, и теряется иной разъ совершенно, когда съ нимъ заговорить кто-нибудь изъ высшихъ начальниковъ. Если послѣдній вдобавокъ предложить ему вопросъ не въ той формѣ, а просто иными словами, чѣмъ его обычный учитель и репетиторъ, то онъ начинаетъ обыкновенно безсознательно хлопать глазами и также безотлагательно шевелить

губами, ища въ словахъ, произносимыхъ начальникомъ, сходства со звуками, которые издавали его безтолковые дядьки; потъ выступаетъ у него обильными каплями на лбу; отвѣтъ же, въ концѣ концовъ, можетъ быть и появляется, но бываетъ въ большинствѣ случаевъ, неудачнымъ. Я требовалъ всегда, чтобы завѣдывавшіе молодыми солдатами говорили отъ поры до времени и съ людьми другихъ эскадроновъ, задавали и имъ вопросы по словесности, чтобы то же самое дѣлали и командиры эскадроновъ. Другой способъ задаванія вопроса, другая интонація, другая наружность спрашивающаго—все это конфузить иного молодого парня, а такъ онъ привыкаетъ отвѣчать безбоязненно и разумно всякому. Если еще вдобавокъ штабъ-офицеры и самъ командиръ полка не будутъ выжидать смотра, а стануть провѣрять словесность почаще, то она будетъ развивать нашего молодого солдата весьма успѣшно.

Унтеръ-офицерская безтолковая долбежка (чтобы тамъ ни писали о необходимости офицерской работы) процвѣтаетъ у насъ во всю, такъ сказать, но не каждый умѣетъ «узнать ее по отвѣтамъ». Для строевого человѣка это, однако, не трудное дѣло, но истинно-строевыхъ начальниковъ у насъ немного. Задавъ самый что ни на есть пустячный вопросъ солдату, вы можете разобраться въ этомъ дѣлѣ. Спросите хотя бы только: «для чего тебѣ дана винтовка?» Если онъ вамъ отвѣтитъ: «для стрѣльбы!»—офицеръ, очевидно, объяснялъ дѣло. Но, вѣдь, это рѣдкій, почти-что исключительный отвѣтъ! Приведу сейчасъ нѣсколько образчиковъ другихъ объясненій (которыми провѣряющіе удовлетворялись).

— «Ружье дано для ружейныхъ приемовъ!» приходилось слышать, когда въ кавалеріи такіе приемы еще существовали.

— «Винтовка дана для обученія въ мирное время и т. д.». Это, очевидно, сущій вздоръ, ибо и въ мирное время могутъ быть случаи употребленія ея въ серьезъ, а не только для обученія, чего малоразвитые «унтера» не соображаютъ.

— «Она дана для пораженія непріятеля (а то прибавляютъ иногда) на дальнее разстояніе». И тутъ я разъ доказалъ офицеру (пытавшемуся убѣдить меня въ томъ, что онъ самъ велъ занятія) наличность унтеръ-офицерской долбежки, пользующейся охотно высокопарнымъ слогомъ и портящей простую, логичную, благозвучную русскую народную рѣчь. Во-первыхъ, слово «поражать» звучитъ въ устахъ молодого деревенскаго парня странно; три мѣсяца назадъ онъ сказалъ бы «стрѣлять», но, «пройдя черезъ унтеръ-

офицерскія руки», онъ этого слова уже боится и ищетъ непременно чего-то замысловатаго. Во-вторыхъ, не думаю, чтобы офицеръ могъ сказать «только поражать непріятеля». Ну, а если въ сосѣдней деревнѣ безпорядки, бунтъ, и тамъ, можетъ быть, безобразничаетъ и «пріятель» спрашиваемаго, его другъ, родственникъ — какъ же быть тогда?

«На дальнее разстояніе» — и это «дядькина» премудрость. Ну а если хулиганъ ломится въ сарай въ 30-ти шагахъ отъ часового, или толпа грабитъ волостное правленіе тутъ же въ непосредственной близости прибѣжавшей для усмиренія ея роты (эскадрона), какое же тутъ дальнее разстояніе? Однако, подобные отвѣты и объясненія сходили и сходятъ съ рукъ, не вызывая иногда подозрѣнія въ томъ, что тутъ работаль не офицеръ и даже не воспитанный какъ слѣдуетъ унтеръ-офицеръ.

Одинъ ротный командиръ разсказаль мнѣ тоже характерный случай, когда онъ поймалъ учителя, не видѣвшаго его подхода сзади къ группѣ молодыхъ солдатъ, съ которыми тотъ занимался: «*Не снять, а отдѣлать боевую личинку....* и т. д. Сколько я тебѣ, олуху, разъ это повторяль, ахъ ты этакая....» говорилъ унтеръ-офицеръ своему ученику.

Непонятною является для меня также необходимость заучиванія, какъ это принято во многихъ частяхъ, фразы «*честь имѣю явиться!*» Откуда это взято? Въ какомъ уставѣ или положеніи ее нашли? Нигдѣ подобнаго требованія не высказано; напротивъ, формулы учтивости выведены давно и въ военной перепискѣ; лишь волостныя правленія пишутъ въ полки: «честь имѣю увѣдомить», «честь имѣю просить» и т. д. Даже офицеръ, посѣщающій начальника по службѣ, обязанъ сказать или расписаться согласно уставу безъ всякихъ излишнихъ формъ учтивости: «такой-то, по такому-то случаю!», а отнюдь не: «честь имѣль явиться» или «честь имѣль быть», хотя многіе это и дѣлають *по свойственному намъ вѣзмъ незнанію уставовъ и положеній*. Заставлять солдата зазубривать эти штатскіе обороты рѣчи, которые офицеру возбраняется говорить или писать, просто смѣшно. Непонятно почему на это не обращаютъ вниманія. Многіе видятъ въ этой «*писарской выправкѣ*» какую-то ложную молодцоватость, что-то якобы осмысленное и доказывающее будто бы сообразительность и развитость, хотя эта, не существующая въ разговорѣ простолюдина, фраза «не къ лицу» солдату. Фельдшера и писаря произносятъ ее съ особеннымъ «шикомъ», который всякому настоящему строевику прямо противенъ. Что касается нашихъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, то они говорятъ

это заученное «честь имѣю явиться» впопадъ и невпопадъ; сплошь и рядомъ выходятъ при этомъ недоразумѣнія и курьезы. Приведу здѣсь нѣсколько фактовъ.

Кавалеристъ скачетъ на какомъ-то маневрѣ съ донесеніемъ къ вышему начальнику; скачка утомила его, онъ еле дышетъ, ибо давно ищетъ и не можетъ найти того, кому адресованъ пакетъ: *«честь имѣю явиться ваше . . . . .»* произноситъ онъ, но начальникъ, который не имѣетъ еще никакихъ свѣдѣній о противникѣ, давно ждетъ этого донесенія и страшно беспокоится за одинъ изъ своихъ фланговъ, перебиваетъ его словами: *«Что? Кто ты? Откуда?»*

Тотъ начинаетъ снова рапортовать: *«Честь имѣю явиться, ваше превосходительство, виноватъ, честь имѣю явиться ваше сіятельство, отъ ихъ высоко . . . . .»*

«Да въ чемъ дѣло и кто ты?» перебиваетъ его вновь начинающій выходить изъ терпѣнія начальникъ, но послѣдствіемъ этого «перебоя» является новое повтореніе всего рапорта:

«Честь имѣю явиться, ваше сіятельство. Отъ ихъ высокоблагородія, господина поручика барона . . . . .»

«Дуракъ!» выкрикиваетъ, изведенный этимъ рапортомъ и повторяемою третій разъ неуставною фразою «честь имѣю явиться», начальникъ отряда: *«Откуда? Изъ какого разѣзда? Скажи номеръ разѣзда, отъ котораго тебя прислали?»*

Но все это окончательно сбilo съ толку посланнаго съ донесеніемъ. Всю дорогу онъ «решетилъ себя», какъ его весь годъ учили: «честь имѣю явиться, ваше превосходительство или сіятельство; отъ начальника разѣзда № 2 ихъ ¹⁾ высокоблагородія господина поручика барона такого-то къ вашему превосходительству или сіятельству съ донесеніемъ присланъ»—и вотъ только чуть-чуть перепуталъ послѣдовательность словъ и титуль, думаетъ онъ, и полная неудача! И она такъ подѣйствовала на него, что ни фамиліи приславшаго его офицера, ни номера разѣзда, ни мѣста отправленія, ничего изъ него нельзя было выжать. Хорошо еще, что донесеніе было письменное и изъ него начальникъ отряда,

¹⁾ Простолудинъ говоритъ всегда «ихъ», вмѣсто «его», когда произноситъ титуль. Музыкальный слухъ русскаго человѣка чувствуетъ, что это правнѣе, логичнѣе, разъ принято говорить про начальника «они», а не «онъ»; послѣднее считается непочтительнымъ. Я терзалъ массу времени на то, чтобы отучить солдатъ отъ этой привычки, но признаюсь, что оно мнѣ не удавалось; большинство все-таки говорило: «Ихъ высокоблагородіе, сіятельство и т. д.». Въ концѣ концовъ я помирился съ этою «явною мужичьей логикой» и самъ сталъ говорить такъ съ ними.

успѣвъ за время этого діалога вскрыть конвертъ. могъ, вѣроятно, узнать то, что ему было надо.

Другой примѣръ.

На улицѣ ловить меня, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, солдатъ другой части.

— Ваше высокоблагородіе, честь имѣю явиться.

— Да кто ты? Я тебя вѣдь не требоваль. Что тебѣ отъ меня надо?

— Честь имѣю явиться, повторяетъ, отчеканивая каждое слово, солдатъ: телеграмма! и подаетъ мнѣ ее.

— Ахъ да, ты, очевидно, вѣстовой на военно-телеграфной станціи. Но зачѣмъ же это *честь имѣю явиться*, которое меня только съ толку сбило, сказалъ я ему.

— Такъ учили, ваше высоко....»

Комментаріи о смыслѣ этой фразы, при врученіи мнѣ телеграммы, излишни.

Третій случай.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рассказаннаго только-что эпизода, я отдаваль визитъ офицеру одной части въ казенномъ флигелѣ казармы. Молодчикъ дневальный, исправлявшій должность какъ-бы дворника или швейцара, на вопросъ мой: гдѣ живетъ поручикъ Иксъ? отвѣчаетъ:

— Во флигелѣ, на второмъ этажѣ, третья дверь направо; извольте сами сходить, ваше высокоблагородіе, со мною, я покажу, али мнѣ сбѣгать доложить?

Чего же больше? Читатель видитъ, что кругомъ молодець!

— Нѣтъ, ужъ я подожду, а ты, голубчикъ, поди, узнай дома-ли они?

Недолго пришлось мнѣ ждать, вижу бѣжить запыхавшись:

— Честь имѣю явиться! Они въ собраніи, и готовъ вести меня туда. Какъ некстати и тутъ эта вообще незаконная фраза — мы вѣдь тогда только-что съ нимъ разстались.

— Хорошо, братъ, значить, ихъ нѣтъ дома, говорю ему, такъ вотъ ты, когда они вернутся, передай имъ мою карточку, вотъ она. И я ушелъ. Но, когда отошелъ шаговъ на 200, примѣрно, отъ воротъ, то увидѣлъ, что тотъ же дневальный бѣжитъ за мною:

— Честь имѣю явиться, слышу его голосъ.

— Да кто тебя шлетъ ко мнѣ? Кто тебя требоваль?

— Честь имѣю явиться, ваше высокоблагородіе! Такъ что карточку прикажете *Иксу первому* или *Иксу второму* передать?

— Вотъ въ чемъ дѣло! Ну такъ карточку передай поручику Иксу первому. Но зачѣмъ же ты все «жаришь» это несчастное *честь имѣю явиться*?

Тутъ я спохватился, вспомнивъ, что опять, помимо всякаго желанія, «залѣзъ» въ систему обученія не своей части и, желая исправить дѣло, прибавилъ улыбаясь:

— Такъ, вѣроятно, заучили!

— Такъ точно, ваше выс...

Во всѣхъ этихъ разсказахъ не выдуманно и не прибавлено мною, ради украшенія, ни слова, а насчетъ послѣдняго случая я могъ бы назвать и мѣсто, и часть, и фамилію обоихъ Иксовъ. Могу, впрочемъ, указать еще на одинъ курьезъ - фактъ, а именно: къ командиру части вошелъ, во время моего визита, его денщикъ или какой-то вѣстовой съ подававшей ему, очевидно, ежедневно на домъ пробной порціей и, сказавъ: «честь имѣю явиться», поставилъ, когда ему поданъ былъ знакъ рукою, миски со щами и кашей на особый, предназначенный для этого, столъ. Врядъ ли и тутъ эта фраза, если бы она даже была законною, логична и умѣстна?

Вотъ какимъ лишнимъ баластомъ мы добровольно обременяемъ себя и солдата. Неудивительно поэтому, что на выучку того, что требуется нашими уставами и инструкціями, на развитіе находчивости, сообразительности, на умѣніе входить въ боевую обстановку, оцѣнивать ее, вообще на подготовку для поля и боя, не хватаетъ времени. Какъ много людей, которые не обращаютъ *на эту ересь* вниманія! Намъ кажется, что было бы вполне логично отмѣнить «формы учтивости» и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, ибо случается, что незнакомые съ нашимъ положеніемъ о письмоводствѣ высшіе чины этого вѣдомства обижаются, переписываясь съ нами, на нашъ лаконическій слогъ (хотя во многихъ полкахъ переписка идетъ по старому съ примѣненіемъ титуловъ, а новое положеніе о письмоводствѣ игнорируется совершенно): вводить же эти отмѣненные у насъ «формулы» самовольно въ обиходъ солдатской службы и тратить на обученіе этого цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы, прямо грѣшно.

Присканіе какой-нибудь краткой формулы явки для нижнихъ чиновъ является весьма желательнымъ. Несуществованіе ея въ уставахъ и привело къ различнымъ выдумкамъ въ родѣ: «честь имѣю явиться», «прибылъ къ вашей милости» и т. д. Въ бытность командиромъ эскадрона я требовалъ, чтобы, съ выходомъ эскадрона въ поле, каждый возвращающійся изъ разѣзда, дозора или

инного наряда солдатъ подходилъ прямо ко мнѣ и докладывалъ кратко: «донесеніе (приказаніе) передалъ» или просто: «къ эскадрону прибылъ», а, при назначеніи его куда-либо, являлся, докладывая: «ординарцемъ присланъ», «для посылокъ присланъ». Августѣйшій Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго округа требовалъ еще въ 1908 году, чтобы везущіе пакеты, проѣзжая мимо каждой группы офицеровъ, выкрикивали громко: «Донесеніе такому-то генералу или полковнику»; формулъ учтивости никакихъ не требовалось.

Нѣкоторой рутинной отдаетъ, напримѣръ, монотонное, невнятную чтеніе адъютантами во время присяги молодыхъ солдатъ закона о наградахъ за военные подвиги и о наказаніяхъ за преступленія, принимая во вниманіе, что въ поспѣшности, царящей при обученіи, не успѣваютъ въ большинствѣ случаевъ предупредить и приготовить къ этому молодыхъ. Что ни строчка, то попадаетъ, какъ наказаніе: «разжалованіе въ рядовые»; слушаютъ его вѣдѣтъ, которыѣ твердили о почетномъ званіи этого рядового, которые только и «посвящаются» въ это почетное званіе; тутъ же, что ни соверши: «разжалованіе въ рядовые!» т. е. въ то званіе, котораго онъ, послѣ страшнаго старанія и большихъ трудовъ, достигъ, вѣрнѣе, достигнетъ, наконецъ, только сегодня.

Затѣмъ идетъ чтеніе наградъ за подвиги. И тутъ я убѣждался неоднократно въ томъ, что молодые солдаты слушали, не понимая, въ буквальномъ значеніи слова, ровно ничего изъ того, что имъ было прочтено; исполнялся, значить, многіе десятки лѣтъ просто номеръ, и это никого никогда не смущало. Я пробовалъ пропускать, передѣлывать нѣкоторыя мѣста, но это, вѣдѣтъ, противъ правилъ.

Еще одно: сборка и разборка винтовки. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, затрачивать массу времени на заучиваніе дѣйствія каждаго винтика, каждой пружинки? Германскій писатель ген. фонъ-Бернгарди считаетъ это рутинной, которою онъ прямо возмущается, но онъ не могъ ничего переѣмнить въ своемъ отечествѣ и сошелъ со сцены, оставивъ передѣлку этихъ требованій въ наслѣдство другимъ.

Коснусь теперь вопроса о титулованіи. Читатель замѣтилъ, конечно, въ началѣ приведенныхъ выше примѣровъ, что не только фраза «честь имѣю явиться», но и произнесеніе скачущимъ посылнымъ полныхъ титуловъ отправляющаго и получающаго пакетъ лишь способствовало путаницѣ. Отъ этой привычки придавать первенствующее значеніе титуламъ, заучивать ихъ вмѣстѣ съ чиномъ и фамиліей, и даже раньше ихъ, мы никакъ не можемъ отвыкнуть, хотя покойный Драгомировъ сильно возставалъ противъ

этого. На вопросъ, кто командиръ корпуса или начальникъ дивизіи, пускай бы называли просто чинъ и фамилію, а титулъ изучали отдѣльно, чтобы умѣть прибавить его, когда отвѣчаютъ на привѣтствіе и вообще тамъ, гдѣ это требуется. Но, вѣдь, этого-то нѣтъ очень часто, а молодой солдатъ, хотя бы изъ неграмотныхъ инородцевъ, еле могущій запомнить свой собственный уѣздъ, «поѣтъ вамъ», когда вы его спрашиваете: *«Ихъ высокопревосходительство, а то ихъ святлость или сіятельство, генералъ-отъ-инфантеріи, артилеріи, князь, графъ...»* и если онъ, вспомявъ отъ этой натуги, не перепуталъ ничего, что будетъ рѣдкостью, то, доѣхавъ до фамиліи, перевернетъ ее въ большинствѣ случаевъ или перелутаетъ начальниковъ, а случалось даже, что, дотянувъ, такъ сказать, до этого мѣста съ трудомъ, просто станетъ, какъ лошадь съ перегруженною телѣгою въ сугробѣ и ни съ мѣста! Вся «мозговая энергія», весь запасъ силъ израсходованы на произнесеніе длиннаго, сложнаго титула и чина; «весь паръ», простите мнѣ это выраженіе, ушелъ, огонь потухъ и больше изъ этого человѣка не выжмете ни слова. Когда же солдатъ «выходитъ изъ этихъ тисковъ» и говорить о начальникахъ въ своей компаніи, то называетъ ихъ прямо по фамиліи, безъ прибавленія не только титула, но даже чина. Также точно бываетъ иногда, когда, «виѣ урочной словесности», нижній чинъ упоминаетъ вамъ на спѣшку объ офицерѣ, какъ напр. новый «необтесанный еще» денщикъ, докладывая о прибывшемъ къ вамъ съ визитомъ; это уже неприлично. Итакъ, на словесности и смотрахъ, вообще въ натянутой «казенной обстановкѣ» пѣніе длинныхъ титуловъ, а на практикѣ въ обиходѣ — одни начальническія фамиліи!

Кабинетные люди, теоретики или старые рутинеры, не обращаютъ на это вниманія, оно ихъ не коробитъ, но настоящій современный строевикъ, знающій солдата, вникающій въ душу его, чувствуетъ, что тутъ что-то неладно. На эту бесполезную зубрежку тратится масса времени, не мало труда уходитъ и на то, когда учать или, что еще хуже, переучиваютъ неоднократно отвѣты на привѣтствіе: одинъ начальникъ требуетъ ударенія на послѣднемъ «о», другой на буквѣ «и», когда произносится титулъ превосходительство; иной требуетъ громкаго отвѣта одиночнаго человѣка, такъ что этимъ прямо пугаютъ случайно проходящихъ постороннихъ лицъ, а есть такіе, которые этого не выносятъ. Ну и учать и переучиваютъ по нѣсколько разъ, убивая драгоценное время, а чьи приказанія исполняетъ часовой, какія его обязанности, когда можетъ, когда долженъ пустить въ ходъ оружіе, а когда нельзя, все

это проходит далеко не вездѣ достаточно основательно. На вопросъ: что такое часовой? вы можете очень часто получить въ отвѣтъ: «Часовой есть лицо неприкосновенное». Попробуйте потребовать болѣе осмысленнаго отвѣта, спросите, что эта неприкосновенность означаетъ, въ чемъ она заключается, и солдатикъ не объяснитъ вамъ этого, ибо дядьки только твердили и репетили: «Часовой есть лицо неприкосновенное, солдатъ есть имя знаменитое!»; толковыя объясненія они считали, можетъ быть, лишними. *По этимъ двумъ отвѣтамъ можно смѣло судить о томъ, какъ поставлены словесность и умственное развитіе въ части.* Если хоть одинъ человѣкъ такъ отвѣчаетъ, не умѣя дать никакого другого объясненія, то, значить, все дѣло въ рукахъ безтолковыхъ дядекъ, а руководства и провѣрки, вообще какой бы то ни было офицерской работы и даже малѣйшей попытки въ этомъ родѣ—нѣтъ. Убѣдитесь въ этомъ легко, если сказать отвѣчающему, что знаменитые люди бывали и внѣ военной среды, на примѣръ: художники, ученые, путешественники, однако они не солдаты. Что касается неприкосновенности, то надо на такой отвѣтъ возразить дающему его, что судья, разбирающій дѣло, священникъ во время богослуженія, наконецъ самъ начальникъ, производящій смотръ или ученіе—все это лица неприкосновенныя, ибо не поздоровилось бы тому, который прикоснулся бы къ нимъ, а все-таки это не часовые. Если нижній чинъ сумѣетъ дать по этому поводу объясненіе, не будетъ хлопать безсознательно глазами и молчать, то дѣло, значить, налажено; но, если не удастся добиться отъ него толку, то, слѣдовательно, воспитанъ на унтеръ-офицерской долбежкѣ. Объ обученіи покажемъ, объ отвѣтахъ своими словами, чтобы видно было, что солдатъ понимаетъ спрашиваемое и даетъ отвѣтъ, хотя и не гладкій, но свидѣтельствующій, что онъ имѣетъ представленіе о томъ, что говорить, малоразвитые дядьки, если за ними нѣтъ присмотра, не заботятся; тутъ необходимо, такъ какъ опытность молодыхъ офицеровъ въ большинствѣ случаевъ недостаточная, внимательство командира эскадрона, личный его трудъ по провѣркѣ устныхъ занятій.

Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что дѣло проще, легче, а успѣхъ вѣрнѣе, когда учатъ просто чинамъ и фамиліямъ начальниковъ, а титулованію, какъ уже упоминалось, обучаютъ отдѣльно. Я даже начиналъ это заучиваніе въ обратномъ порядкѣ: показывалъ начальниковъ или ихъ портреты и требовалъ запоминать для начала одну фамилію, что гораздо легче, потомъ спустя недѣли двѣ или три и чины, подъ конецъ говорили о титулованіи: результаты были очень хороши. «Попробуйте, однако, учить одну фамилію кого-нибудь

изъ старшихъ начальниковъ», сказалъ мнѣ одинъ весьма дѣльный старый, совершенно сѣдой ротный командиръ, съ которымъ я бесѣдовалъ на эту тему, «пусть ему молодой солдатъ «ляпнетъ» просто: *Ивановъ, Петровъ*—пожалуй роту отнять, со службы прогнать!»

Наши законы, уставы, положенія и наставленія, за рѣдкими исключениями, вполне современны и не хуже, чѣмъ въ Западной Европѣ. Они почти всегда такими и были, а золотой вѣкъ Екатерины опередилъ многихъ сосѣдей, но толкованіе и примѣненіе ихъ нѣсколько разнообразное и часто неправильное. И работники есть у насъ среди молодежи, преисполненной доброй воли, а насчетъ военныхъ писателей жаловаться тоже нельзя: одинъ покойный Драгомировъ, несмотря на его странность въ нѣкоторыхъ вопросахъ, чего стоитъ? Но наши строевые офицеры читаютъ мало и недостаточно оцѣниваютъ значеніе самообразованія; мы хотя и набрасываемся иногда на новое, чужеземное, пересаживая его безъ разбора и проверки, безъ подготовки почвы, «въ наши огороды», но въ общемъ мы весьма привязаны къ старому, привычному, и не лишены нѣкоторой инертности, которая, при встрѣчаемой подчасъ сильной дозѣ самоувѣренности, заставляетъ многихъ стоять на одной точкѣ. А вѣдь только тотъ можетъ быть признанъ «стремящимся впередъ, кто самъ считаетъ себя не готовымъ», сказалъ какой-то военный писатель, и онъ совершенно правъ, ибо сознаніе своихъ ошибокъ и недочетовъ—это первый залогъ успѣха и первый шагъ на пути стремленія къ идеалу. Бѣда въ томъ, что энергія, ретивость, напряженная работа—все это чуждо психикѣ массы людей, а въ особенности тѣхъ, что живутъ въ провинціальной глуши своею монотонною, неторопливою, привычною жизнью! Вторженіе въ эту жизнь человѣка съ новыми, болѣе правильными и современными взглядами на веденіе хозяйства, обработку земли или на обученіе и воспитаніе дѣтей, а то нижнихъ чиновъ и т. д. не вездѣ встрѣчаютъ дружелюбно. Наоборотъ, къ такому лицу относятся, исключая развѣ молодежи, сплошь и рядомъ враждебно, ставя ему непреодолимыя преграды, и онъ для многихъ бѣльмо на глазу. Влить новую, свѣжую струю въ какое бы то ни было дѣло, заведеніе или предпріятіе, военное или иное, не легко. Попробуютъ, позаймутся, раздуютъ, пожалуй, иной разъ даже значеніе нововведенія, но оно скоро надоѣстъ и, смотришь, вернулись опять понемногу къ старому, привычному. Причиною этого по моему то, что во всѣхъ руководящихъ приказахъ высказываются хотя и опредѣленные и современныя требованія, но о повѣркѣ ихъ современнымъ спосо-

бомъ умалчивается. А такъ какъ повѣрки идутъ по старому, то и обученіе, несмотря на рядъ дѣльныхъ указаній, идетъ очень часто по старому.

Мѣнять систему мы не прочь, но главнымъ образомъ по названію. Лѣтъ 25 тому назадъ отмѣнили такъ называемую «походную форму»; переименовавъ ее, послѣ нѣкоторыхъ упрощеній, въ «обыкновенную лагерную». Однако во всѣхъ почти приказахъ, приказаніяхъ и въ разговорѣ *походная форма* оставалась, *обыкновенной* никто почти признавать не хотѣлъ. Что это названіе придумано было, можетъ быть, неудачно, это другой вопросъ. Приказомъ по в. в. 1909 г. № 100 походный мундиръ, правда, введенъ, но «*походной формы*» нѣтъ по сіе время, а въ теченіе 25 лѣтъ этого слова не должно было быть слышно; между тѣмъ оно говорилось, писалось, печаталось, какъ будто имѣло законное существованіе. Также и понынѣ мы слышимъ и читаемъ о походной формѣ и сѣдловкѣ, хотя таковыхъ не существуетъ столько же лѣтъ. Если выраженіе «походная форма» такъ удобно, почему же оно было отмѣнено? Для этого вѣдь были, вѣроятно, основанія. Мы тоже говоримъ нерѣдко «патруль», переименованный давно уже въ «дозоръ». Никого тоже не коробитъ, что всѣ почти говорятъ и пишутъ «новобранцы», между тѣмъ, со дня зачисленія въ полкъ, ихъ слѣдуетъ именовать «молодыми солдатами». Почему измѣнили 20 лѣтъ тому назадъ это названіе, имѣвшее долго законное существованіе и къ которому мы, старики, привыкли,—не знаю. Что можетъ быть обиднаго въ словѣ «новобранецъ», не понимаю. (Германія сохранила по сей день названіе *рекрутовъ*). Но это измѣненіе сдѣлано у насъ законодательнымъ порядкомъ и слѣдовало принять его къ свѣдѣнію и точному руководству. Никто также не возмущается тѣмъ, что мы говоримъ «*уволени въ отпускъ*», вмѣсто «*со двора*» я всегда спрашивалъ при этомъ случаѣ: «а въ какую губернію?» и конфузиль говорившихъ и писавшихъ такъ (напримѣръ, въ дознаніяхъ).

Вообще наше пренебреженіе къ закону, хотя бы въ мелочахъ, довольно характерно. Караулы, на примѣръ, вызываются для отданія чести лишь тѣ, гласить уставъ, которые имѣютъ часового у фронта; полковой унтеръ-офицерскій караулъ не выставляетъ такого часового, а если передъ караульнымъ помѣщеніемъ или рядомъ съ нимъ поставленъ случайно денежный ящикъ, то къ нему ставится часовой, *но не у фронта*, ибо это полагается по уставу только въ офицерскомъ караулѣ, и то не во всякомъ (какъ ясно оговаривается въ примѣч. къ гл. V. II отд. уст. гарн.). Гдѣ ящикъ

хранится въ канцеляріи или внутри караульнаго помѣщенія, тамъ наружнаго часового не бываетъ. Между тѣмъ почти вездѣ унтеръ-офицерскіе караулы (съ часовыми у ящика, находящагося снаружи, но не у фронта), вызываются наружу для отданія чести, что сбиваетъ солдатъ окончательно съ толку, ставитъ въ неловкое положеніе и подрываетъ авторитетъ офицера-учителя, преподававшаго, что лишь нѣкоторые офицерскіе караулы вызываются для отданія чести наружу. Почему же не ввести въ уставъ, если это нужно, что унтеръ-офицерскій карауль долженъ имѣть часового у фронта, такъ же, какъ и офицерскій, и вызываться наружу, а не требовать то, что въ уставѣ толкуется какъ разъ наоборотъ. Ни знанія устава, ни уваженія къ нему этимъ не прививается. Разъ я завелъ рѣчь о гарнизонномъ уставѣ, то не могу не добавить, что значеніе названій гауптвахта и караульное помѣщеніе перепутано теперь совершенно и разобратъ въ этомъ не легко. Согласно § 41 гарниз. уст. караульное помѣщеніе, при которомъ устроены мѣста для арестованныхъ, называется гауптвахтою, а приложеніе 4-е къ этому уставу гласитъ, что на гауптвахтѣ должно быть помѣщеніе для *арестованныхъ офицеровъ*. Въ полковыхъ (унтеръ-офицерскихъ) караулахъ такихъ помѣщеній нѣтъ и быть не можетъ, а потому нельзя, строго говоря, употреблять выраженіе: «полковая гауптвахта». Есть даже взысканіе для офицеровъ, именуемое «содержаніемъ на гауптвахтѣ», разнящееся отъ взысканія, налагаемаго на нижнихъ чиновъ, т. е. содержанія «въ карцерѣ». Карцера есть при всякомъ полковомъ караулѣ, помѣщенія для арестованія офицеровъ только при гауптвахтахъ, гдѣ караульный начальникъ обязательно офицеръ. Прибавлю еще, что мы въ провинціи ѣздимъ въ праздники поздравлять начальство вопреки § 399 гарниз. устава, а начальники отдають вопреки тому же параграфу въ приказахъ о томъ, что они не будутъ принимать поздравленій: однимъ словомъ дѣлается совершенно обратное, чѣмъ то, что изложено въ уставѣ, и это никого не коробитъ.

Согласовать всѣ уставы, наставленія и положенія между собою является тоже насущною потребностью, ибо, отличаясь достаточной современностью, они однако разнятся довольно сильно въ своихъ требованіяхъ по одному и тому же предмету. Положеніе объ обученіи нижнихъ чиновъ требуетъ, напримѣръ, чтобы виптовка выдавалась кавалеристу на руки въ концѣ 4-ой недѣли, наставленіе же для обученія стрѣльбѣ предписываетъ выдавать ее уже на 2-ой недѣлѣ. Такихъ противорѣчій много.

Повторяю еще разъ, что наши уставы достаточно современны, но пересматривались они и издавались вновь въ разное время, а потому не согласованы, да и пропуски есть, что мѣшаетъ обученію и воспитанію начальствующихъ нижнихъ чиновъ. Упомяну такой пропускъ: какому-то начальнику вывели смѣну нижнихъ чиновъ, у лошадей которыхъ хвосты были подрѣзаны чуть ли не по рѣпицу, а большинство гривокъ лежало направо. Онъ извелся и былъ совершенно правъ, а всѣ присутствующіе сознавали, что замѣчаніе было правильное, что и гривки должны лежать налѣво, и подрѣзывать хвостъ по рѣпицу у казенной лошади нельзя; кто утверждалъ, что указаніе объ этомъ есть во внутреннемъ уставѣ, кто былъ увѣренъ, что объ этомъ сказано въ строевомъ уставѣ, были и такіе, которые отсылали за справкою къ наставленію для занятій кавалеріи, но всѣ поиски въ книгахъ оказались тщетными. Точнаго указанія нѣтъ нигдѣ.

Всѣ приведенные случаи, которыхъ, вѣроятно, насчитать можно было бы и гораздо больше, порождаютъ неувѣренность, неустойчивость, нерѣшительность въ примѣненіи закона, котораго никто не знаетъ и знаетъ какъ будто не хочетъ. Молодымъ офицеромъ я былъ знатокомъ дѣла во всѣхъ этихъ мелочахъ, былъ, какъ французы говорятъ: «ferré à glâce» во всѣхъ этихъ вопросахъ. Тогда было, правда, меньше уставовъ, инструкцій и наставленій, вообще меньше требованій, но все же опредѣленные требованія были, и мы ихъ знали твердо. Нынѣ, прослуживъ больше 30-ти лѣтъ, не могу въ нихъ иногда разобраться и не знаю, что и какъ требовать отъ подчиненныхъ. Разрабатывать уставы и пересматривать ихъ могутъ лишь строевики, примѣнявшіе ихъ, а этимъ занимаются въ большинствѣ случаевъ не они, а кабинетные люди.

Обращу теперь вниманіе читателя на одинъ изъ пунктовъ большинства нашихъ приказовъ по полку.

«Завтра по случаю воскреснаго (или праздничнаго) дня, занятій не производить, а свободныхъ отъ нарядовъ людей уволить ит. д.»

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, полагаютъ, что, если не отдать такого пункта, то командиры эскадроновъ построятъ людей и станутъ дѣлать имъ въ праздникъ пѣшій строй? Еще менѣе вѣроятна возможность вывода кѣмъ-либо въ воскресенье по собственной инициативѣ эскадрона въ конномъ строю и галопированія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ до изнеможенія. Если же тутъ имѣется въ виду увольненіе людей въ церковь, то объ этомъ можно сдѣлать распоряженіе разъ навсегда. Но старый, традиціонный пунктъ

приказа мало кто рѣшается уничтожить. Всѣ мы тоже помнимъ, какъ долго держалась формула: «дежурство обстоитъ благополучно», какъ рапортовали такимъ образомъ во время пожаровъ и наводненій съ обильными человѣческими жертвами, пока эту формулу, наконецъ, не упразднили.

Такъ отчасти обстоитъ дѣло и со словесностью, и съ ѣздой, и съ приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями. Всѣ мы сознаемъ необходимость одиночной подготовки, твердимъ это безпрестанно; военная литература этимъ только и занята въ послѣднее время. Про одиночную, въ полномъ значеніи этого слова, подготовку солдата пишу я уже 25 лѣтъ, и къ ней, правда, постепенно переходятъ многіе, но далеко не всѣ, учителя, и притомъ только лучшіе изъ нихъ. На практикѣ нѣкоторые остаются сплошь и рядомъ при валовомъ обученіи потому, что смотрятъ имѣютъ валовой характеръ. Въ промышленности машинное производство вытѣсняетъ ручной трудъ и почти уничтожило «штучную работу»; исчезли вмѣстѣ съ разными ремеслами и художники среди самихъ ремесленниковъ, своего рода артисты, трудившіеся медленно надъ выдѣлкою какого-нибудь шкафчика, столика съ инкрустаціей или иного предмета десятокъ лѣтъ или больше, но за то художественная отдѣлка такихъ вещей вызываетъ и теперь еще, послѣ какихъ-нибудь 150 лѣтъ, восторгъ и удивленіе! Въ военномъ мірѣ должно въ силу разныхъ обстоятельствъ происходить обратное явленіе: *валовое, огульное, гуртовое натаскиваніе частей для дѣйствія только въ сомкнутыхъ строяхъ, а также безтолковый зубрежъ* (допустимый при длинныхъ срокахъ службы, когда время создавало воин-практика), *должны уступить мѣсто одиночной, разумной, артистической выдѣлкѣ каждого отдѣльнаго бойца, однимъ словомъ, должны уступить мѣсто той-же штучной работѣ* и вытѣснить валовое обученіе взвода, шеренги, или по крайней мѣрѣ ограничить его предѣлами необходимаго. Но всѣ знаютъ, съ какимъ трудомъ это прививается!

Иногда видимъ, что прикладка идетъ почти только стоя²⁾; а такой стрѣльбы нѣтъ по Наставленію 1909 года въ кавалеріи, да и въ пѣхотѣ она врядъ-ли будетъ примѣнима; замѣчаемъ

²⁾ Вредъ прицѣлки въ положеніи стоя касается только кавалеріи. Въ пѣхотѣ стрѣльбою и приготовительными упражненіями занимаются такъ много, что о немъ ни стать правильно на колѣно, или о привычкѣ чувствовать себя въ положеніи лежа свободно, не бываетъ рѣчи, кавалеріи же, прикладывавшейся всю зиму только стоя, не умѣть сидѣть на правомъ колѣнѣ, чему мѣшаетъ и шпора, дышать тяжело въ положеніи лежа, учится всему этому нѣрѣдко лишь на самой стрѣльбѣ и пускаться нуды на воздухъ.

тоже нерѣдко, что прикладкѣ и прицѣлкѣ обучаютъ только въ составѣ шеренги или взвода, а вызванному на повѣрку человѣку командуютъ: «пальба шеренгою», а вѣдь залпы нынѣ рѣдкость и въ курсовой стрѣльбѣ ихъ нѣтъ. Однако, безъ этой команды, вызванный взять на изготовку какъ будто и не въ состояніи. Не вездѣ это такъ, конечно, но во многихъ частяхъ я это видѣлъ, видѣлъ это не такъ давно еще даже въ пѣхотныхъ частяхъ, а тѣмъ болѣе въ кавалерійскихъ, былъ свидѣтелемъ такой гуртовой работы, дѣлающейся на глазахъ лицъ, бывшихъ въ Манчжуріи, и это не вызывало въ нихъ сомнѣнія въ пользѣ подобныхъ занятій. А каково же будетъ въ цѣпи, говорилъ я обучающимъ гдѣ солдатъ долженъ подчасъ и цѣль-то выбрать самъ, и опредѣлить до нея разстояніе; гдѣ ему очень часто предоставляется выборъ точки прицѣливанія, рода огня и положенія для стрѣльбы (лежа или съ колѣна); гдѣ онъ нерѣдко самъ долженъ позаботиться объ обстрѣлѣ, упорѣ ружью, о закрытіи отъ взоровъ и пуль противника; гдѣ, наконецъ, онъ принужденъ, можетъ быть, быстро поймать внезапно появляющуюся на мгновеніе крошечную цѣль и имѣть еще, вдобавокъ, понятіе о равномерномъ распредѣленіи огня по линіи непріятельскихъ стрѣлковъ? Каковъ будетъ тамъ «манекень», не могущій сдѣлать ничего безъ того, чтобы дядька сзади не скомандовалъ ему: «прямо по мишени, пальба»? Какой вообще абсурдъ командовать одиночному человѣку, готовящемуся для дѣйствія преимущественно въ разсыпномъ строѣ, «пальба», да еще «шеренгою»? Вотъ, что надо говорить нашимъ унтеръ-офицерамъ, и не одинъ разъ. Тогда они начинаютъ понемногу сознавать сами въ чемъ суть дѣла и успѣхи не заставляють себя ждать. Не вездѣ, однако, обращаютъ на это вниманіе, *а большинство смотровъ сдается такъ, какъ въ былое время, идѣ пальба залпами изъ сомкнутаго строя преобладала и идѣ только этому и обучали.* Оттого-то залпами злоупотребляютъ и по сей день на маневрахъ, а стрѣльбѣ одиночнаго человѣка въ цѣпи не отведено подобающаго значенія. Не мы одни цѣпляемся за подобные устарѣлые абсурды. Въ Германіи, когда ѣздитъ, хотя бы, одинъ человѣкъ въ манежѣ, ему командуютъ: «эскадронъ — стой», «эскадронъ — рысью», несмотря на то, что никакого эскадрона тамъ нѣтъ, какъ у насъ нѣтъ очень часто шеренги, когда командуютъ: «пальба». Въ той же Германіи еще очень недавно рота строилась въ три шеренги, когда во всей Европѣ уже больше 30-ти лѣтъ примѣнялся двухшереножный строй. Только, маневрируя на мѣстности, пере-

страивались въ двѣ шеренги до изданія послѣдняго устава, который покончилъ совсѣмъ съ третьей шеренгою и съ особой командою для заряжанія, которая удержалась тамъ до недавняго времени. У насъ она давно упразднена и я ея уже не захватилъ.

Возвращаясь къ нашимъ унтеръ-офицерскимъ способамъ обученія прикладкѣ, къ ихъ приемамъ и ко всему, что говорилось, добавлю, что постоянное «опеканіе» молодыхъ, да и «старыхъ» солдатъ, имѣеть послѣдствіемъ то, что они въ этомъ «опеканіи» нуждаются въ теченіе всей службы, а разъ только предоставлены самимъ себѣ, въ стрѣлковой ли это цѣпи, на сторожевомъ ли посту, въ дозорѣ, или разъѣздѣ, вообще, гдѣ бы то ни было, то становятся въ большинствѣ случаевъ безпомощными и теряются. Дядьки, подчитывающаго: разъ. два, лѣвой, правой и т. д. или же командующаго, «пальба», нѣтъ, и паренъ не знаетъ иной разъ, что дѣлать, что предпринять? А коли вышедшій изъ подъ обычной опеки нижній чинъ не только предоставленъ самому себѣ, но долженъ еще вдобавокъ *стать опекуномъ другихъ*—быть начальникомъ или старшимъ, тогда онъ пасуетъ сплошь и рядомъ совершенно, и лишь немногіе старые солдаты наканунѣ увольненія въ запасъ начинаютъ проявлять нѣкоторую энергію и дѣйствовать въ такихъ случаяхъ болѣе сознательно. Оно и вполнѣ понятно, ибо къ этой роли солдата до сихъ поръ не готовили, или по крайней мѣрѣ готовятъ людей къ этому рѣдко и далеко не всѣ и не вездѣ. О томъ, что въ былое, не столь отдаленное, время мнѣ приходилось читать расписанія занятій, въ которыхъ прицѣлка значилась зимою ежедневно съ 7-ми или 7^{1/2} ч. утра до 8-ми, когда совершенно темно, и никому не приходило въ голову сомнѣваться въ пользѣ этого занятія, я уже распространяться не буду, ибо это удлиннило бы мою замѣтку.

Ж. Вольфъ.

